

Железнов Николай Яковлевич

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНА 10-ГО УРАЛЬСКО-ЛЬВОВСКОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ТАНКОВОГО КОРПУСА

Я, Железнов Николай Яковлевич, родился 23 мая 1923 г. в г. Москве. После рождения моя мать, Пелагея Сергеевна, увезла меня в деревню Астапово Луховицкого района Московской области.

Возникает вопрос, почему родился в Москве? Дело в том, что мой отец уехал в 1920 г. в Москву со своим младшим братом Тимофеем Яковлевичем Железновым, так как оба они имели специальность повара.

Определившись на жительство в г. Москве, они нашли в пустующем доме комнаты, отремонтировали их за свой счет и стали в них проживать. Управляющий домами, в частности дома №15, прописал моего отца, Железнова Якова Яковлевича, на постоянное место жительства.

Тогда мой отец работал в качестве повара в столовой №7. Это на Таганской площади.

До 5 лет я жил в деревне Астапово вместе с семьёй. У нас было крестьянское хозяйство. Лошадь, две коровы, овец было 16 шт., два поросёнка, кур было около 30 шт.

Надвигалась коллективизация и в Московской области.

Однажды приехал отец и провёл с нами как бы домашнее собрание, где было принято решение всё продать и переехать на постоянное место жительства в Москву. Это было где-то в августе месяце 1928 года.

Отец, находясь в отпуске, продал всё хозяйство, кроме дома и коровы, которая давала очень хорошее, густое, большой жирности молоко.

В 1928 году, в конце августа месяца, наша семья в составе: отец, мать, брат Михаил, сестра Вера, я, сестра Аня -переехали на постоянное жительство в Москву, Гжельский переулок, д.15, кв. 11.

Старшая сестра Вера в 1928 году с 1 сентября пошла учиться в школу. Затем в 1931 году, когда мне исполнилось 8 лет, меня тоже отвели в школу №5. Это была начальная школа от завода «Серп и Молот», в то время этот завод носил название «Гужон».

После окончания в этой школе 4 класса, нас перевели в среднюю школу №37, позднее ей, этой школе, присвоили №466.

Обучаясь в школе, я имел склонность к рисованию. Сперва я был избран в редколлегию. Это было в 6 классе школы №466, где совместно с ребятами оформлял стенгазету. Газета была красочно оформлена и на смотре-конкурсе, который проводился в школе, наша газета 5 класса «а» заняла первое место. С тех пор наша газета была одной из лучших стенгазет школы.

Как-то на нашем пионерском собрании школы встал вопрос о выборе школьной редакционной коллегии. Я в то время учился в 8 классе «а», и меня избрали в школьную редакционную коллегию. Я продолжал учиться и выполнять общественное поручение в редколлегии своего класса и школы.

В 1938-39 учебном году, в ноябре месяце, в школе №466 производилась проверка Городским отделом народного образования. В этой комиссии работал представитель Московского Дома пионеров. Он оказался художником, преподавателем студии художников при Московском Доме пионеров. Ему очень понравилось художественное оформление стенгазет. Директором нашей школы была Шапиро Наталья Львовна.

На разборе комиссия отметила положительные стороны работы школы и недостатки.

На разборе выступил представитель Московского Дома пионеров (я не помню его фамилию), который обратился к директору школы Шапиро Н.Л. и попросил её, чтобы вызвали оформителя стенгазет.

После разбора меня вызвала директор школы к себе. Когда я шёл к директору школы Шапиро Н. Л., то я всё мысленно перебирал, в чём я оказался виновным, почему меня вызывает директор школы. Эта мысль родилась у меня потому, что по дисциплине у меня были погрешности. И вот, придя к директору, я увидел сидящего на стуле интеллигентного мужчину, который решил, что это я и есть, обратился ко мне: «Ты Железнов Коля?». Я ему ответил: «Да, это я!».

И тогда он, заинтересовавшись тем, что я оформляю стенгазеты класса и школы, задал мне вопрос: хочу ли я учиться живописи? Я сказал, что мечтаю быть художником.

Он мне посоветовал, чтобы завтра, после занятий в школе, я, захватив с собой всё, что относится к живописи, приехал в Московский Дом пионеров. Дал мне адрес и сказал, кого найти.

Я так и сделал, как мне советовал этот представитель Московского Дома пионеров.

Оказалось, что я должен был найти его в Доме пионеров. Он руководил студией художников. Оказалось, нас, таких как я, в этой группе 28 человек со мной.

Проучился я два года, и нам, трём ученикам, предложили поступить в студию им. Грекова.

Учился на вечернем отделении, так как отец сказал мне, что 10 классов я должен закончить, поэтому надо устраиваться на вечернее отделение.

Принят я был без экзаменов, так как мои художественные работы были как бы образцом и понравились приёмной комиссии.

В июне месяце 1941 года я закончил 2-й курс художественной студии им. Грекова и 21 июня 1941 года у нас состоялся выпускной вечер 10 классов школы №466.

После выпускного вечера в школе было принято гуляние. И мы совместно с классным руководителем Осиповой Валентиной Петровной пошли на гуляние по набережной реки Москвы, на Красную площадь, затем на ул. Горького (ныне Тверская) и, с появлением первого трамвая №27, который ходил до Заставы Ильича (Рогожская застава), поехали домой. Было очень весело, так как многие из нас играли на гитаре, много пели, плясали, одним словом, выпускной вечер справляли хорошо.

Я лег спать, потому что очень устал, и эта усталость особенно проявилась дома, так как пришел в 6 часов утра.

В этот день, 22 июня 1941 года, мне особенно спалось, так как мать разбудила меня в 10 часов и говорит: «Сынок, послушай радио. Война, немцы напали на нас. Киев и Одессу бомбили».

Тогда мне было 18 лет. Мы были все воспитаны в духе животворного советского патриотизма. Я, например, думал так: война долго не протянется. Немцы будут вскоре наголову разбиты, и победа будет за нами. Война продлится не более 2-3 месяцев.

Но враг оказался значительно сильнее и коварнее, чем мы думали. Враг с боями продвигался вглубь страны. Вот уже взят Минск. Враг опять прорвал оборону и устремился к Смоленску. Развернулись жес-

токие бои. Сообщалось о том, что в боях принимало участие до 3 тысяч танков. Смоленск пал.

Москва уже стала фронтовым городок. Тогда при ЖЭКах комсомольские организации объединяли всю молодёжь, которая не работала. Враг всё ближе и ближе подходил к Москве.

Были созданы из нас молодёжные отряды, которые дежурили ночью и днём на чердаках домов.

В то время поступило распоряжение очистить все чердаки от мусора и хлама, полы посыпать песком. Эту работу мы выполнили добросовестно. Установили бочки, которые расположили друг от друга на 10-15 метров и все бочки заполнили водой.

Налёты немецко-фашистской авиации участились, и нам действительно пришлось установить график дежурства, который четко выполнялся.

В один из таких налетов зажигательная бомба пробила крышу дома, мне тогда пришлось дежурить вдвоём с Алексеем Пузырёвым, так мы с ним эту термитную зажигательную бомбу схватили железными щипцами и бросили в бочку с водой. Бочка едва выдержала, так как бурлящая вода брызнула через край бочки.

Таким образом мы с Лёшкой Пузыревым предотвратили пожар дома, за что получили благодарность от начальника ЖЭК и комсомольской организации.

Отец мой говорит: «Сынок, давай будем как-то определяться, ведь немцы наступают и все ближе к Москве подходят. Давай пока на завод пойдёшь». Пошёл к соседу дяде Косте. Он тогда работал на военном заводе №205 им. Н.С. Хрущёва, который выпускал приборы управления зенитным огнём (ПУАЗО). И вот, на следующий день я с дядей Костей пошёл на завод, где он устроил меня учеником слесаря-механика.

Так я стал рабочим завода №205. Работал учеником у дяди Кости. Он был большой специалист, имел 7-й (высший) разряд слесаря-механика. Он меня добросовестно учил, а я добросовестно, во всяком случае, старался выполнить так, чтобы он меня похвалил. Ведь он мой сосед. И показаться ему бестолковым я не хотел.

Когда он меня научил всему, что он умел делать на отлично, он мне и говорит: «Давай обратимся к начальнику цеха и попросим его, чтобы ты работал самостоятельно». Я усомнился, что справлюсь, однако он мне сказал, что со всеми теми операциями, которым он меня научил, справишься.

Было решено проситься на самостоятельную работу. Начальник цеха сборки говорит: «Ну что же, тов. Чижиков К.П., давай опреде-

лай ему место, и под твоим руководством пусть работает». Вызвал сменного мастера и приказал выдать мне наряд. «Но я, – говорит мастер, – не могу на ученика оформить самостоятельный наряд». Тогда оформи на Чижикова Константина Павловича, а делать будет Железнов Коля. Так было и сделано. Поставили мне станину, и я приступил к работе. Конечно, не всё получалось, как говорят, «первый блин всегда комом». Так, с помощью дяди Кости, я собрал прибор, и военпред, который принимал от меня прибор, похвалил, так как ошибки и погрешности, которые были, легко устранялись.

Когда дядя Костя проверял прибор, то прямо сказал: «Ты весь в своего отца. Он тоже, за что бы ни взялся, всё делал сам», и, похвалив, сказал: «Молодец! Теперь ты можешь работать самостоятельно, но надо получить разряд!»

Он куда-то ходил, с кем-то даже поругался, но через два дня нам, ученикам, устроили экзамен, на котором мы должны были выполнить определённую работу.

Я старательно выполнил все задания, и мне присвоили 4-й разряд слесаря-механика.

И вот я овладел специальностью слесаря-механика по сборке точных приборов ПУАЗО.

А тем временем немцы уже подошли к Вязьме.

Наша семья получила похоронку. Мой старший брат, Михаил, пал смертью храбрых.

Я очень любил своего брата Михаила. Он обладал большим поэтическим даром, я его считал вторым Есениным, а Есенин был наш земляк, он жил от нашей деревни всего в 18 км.

Мне очень хочется прочитать одно его стихотворение «Гроза», которое мне запомнилось:

Звенящим серебром паля,
Дождя искристые разлёты
Блестят, как вынутые соты,
Под ветром стонут тополя.
Заполоскались в ливне ветлы,
Вскипели чёрные пруды.
Прошли ручьи по огородам,
Живую влагу пьют сады,
Чтоб в них тяжёлые плоды
Наполнились румяным мёдом.
Сверкая проливным огнём,
Проходит туча величаво.
Редет дождь, слабеет гром,

От радости заплакал клён,
Оспорив светлой жизни право.
Редея, облака прошли.
И снова солнце миром правит,
Гроза идёт за край Земли,
И где-то на небе вдали
Она зелёный праздник славит.

Мой брат Михаил печатался в районной газете Первомайского р-на, в газете завода «Серп и Молот» «Мартеновке».

Когда мы получили письмо, где сообщалось о его гибели и месте захоронения, это для нашей семьи было большой утратой. Все мы очень переживали.

16 октября немцы подошли к Москве. К этому моменту на завод поступило решение об эвакуации завода №205 в г. Саратов.

Я было решил остаться в Москве, как этого хотела моя семья, но это оказалось делом непростым. Когда я сказал о своём желании остаться в Москве, мне начальник цеха сказал: «Нет, браток, ты поедешь с нами в эвакуацию, в г. Саратов, если тебе что-то не ясно, обратиться к начальнику отдела кадров». Я пошёл к начальнику отдела кадров. Раньше, бывало, я заходил туда, сидел там дядя Ваня в гражданском пиджаке. Но, зайдя в этот раз, я с удивлением увидел, как преобразился дядя Ваня: на нём была военная форма, в петлицах четыре шпалы, т.е. полковник, а в орнаменте на рукаве «Щит и меч» – эмблема НКВД. Вот вам и дядя Ваня, казавшийся всегда простым и доступным! Я как-то оробел от неожиданной такой перемены, что вижу перед собой военного человека, стою и молча переминаюсь с ноги на ногу.

«Что тебе нужно?» – обратился он ко мне.

Мы были мальчишки и дядю Ваню очень уважали. В прошлом он был кавалерист, командовал эскадроном в Первой Конной армии им. С.М. Будённого, ходил рейдом под Варшаву, где нашим войскам дали, что называется, подзатыльник.

Он мне объяснил, что время сейчас суровое, что никаких соображений и быть не может, а потом, смотря мне прямо в глаза, сказал: «Разве мы вас учили и выучили напрасно, чтобы просто так вас взять и отпустить? Нет! Мы рассчитываем на вас. Так что иди, Коля, работай, а через неделю, двадцать второго, будет отправляться эшелон. Поедешь с ними в эвакуацию. Если решишь своевольничать, то, несмотря на моё к тебе хорошее расположение, мне придётся передать твоё дело в соответствующие органы. Тебя будут судить по законам

военного времени. Все понял?» Я ответил утвердительно. «Вот и хорошо», – сказал он.

Пришёл я к отцу и говорю, так, мол, и так, папа, я должен ехать в Саратов. Он тоже спросил: «Нельзя ли остаться?». Я ему рассказал про наш разговор с начальником отдела кадров. Делать было нечего. Стали собирать меня в дорогу. Пошли мне из брезента вещмешок. Рюкзаков тогда мало было, да и стоили они уж очень дорого, а зарабатывали тогда немного. Собрали меня, и 22 октября к 16 часам я прибыл на завод, а в 20 часов наш эшелон отбыл в Саратов.

Когда немцы подошли к Москве, в городе возникла паника. Началась паника 15 октября 1941 года.

Я видел, как рабочие завода «Серп и Молот» вышли на площадь Ильича, от которой начинается знаменитый Владимирский тракт, а ныне это шоссе Энтузиастов. Именно по этой дороге, бросая на произвол судьбы свои предприятия и заводы, а вместе с ними и рабочих, бежали из Москвы чиновники различных рангов. Бежали с домочадцами и со всем скарбом. Для этой цели многие взяли грузовики, принадлежавшие не им лично, а заводам, фабрикам, учреждениям. Заправили их бензином, захватили с собой горючее, погрузили своё добро и рванули на восток.

Но рабочие этому воспрепятствовали: как же так? Начальство бежит, а нас тут бросают без руководства. Рабочие стали останавливать машины, вышвыривать оттуда этих чиновников вместе с семьями, а также и имущество на дорогу, которое тут же разворовывалось. Очень быстро эти волнения распространились по всему городу. Стали грабить магазины. Я видел, как обезумевшая толпа разграбила трёхэтажный универмаг на площади Ильича. Всё расхватили и разнесли по домам.

Вскоре моему однокласснику Жорке Пророкову пришла повестка в военкомат. Он был постарше меня на один год, и ему исполнилось уже 19 лет, и шёл 20-й год. Но друзьям Жорки хотелось проводить его в армию «по-человечески», но водки уже не было, достать где-либо невозможно, и Жоркин отец подсказал нам: возьмите, говорит, политуру! Политура – это бесцветный мебельный лак, сделанный на спиртовой основе и расфасованный в пол-литровые бутылки. В каждую бутылку нужно было засыпать две столовые ложки соли, затолкать в бутылку вату и хорошенько этой бутылкой потрясти, да так, чтобы соль растворилась. От воздействия соли лак выпадал в осадок, и вата исполняла роль собирателя лака, а спирт, полученный таким образом, мы сливали в другую бутылку.

Но мы были ещё мальчишками, организмы неокрепшие, и, видимо, мы перебрали, так как были сильно пьяны и, видимо, отравились. У меня, например, по всему телу выступила на следующий день сыпь в виде покраснения.

Именно сыпь-то меня и спасла!

Разумеется, московское руководство не могло оставить случаи грабежей и мародерства безнаказанными, очень много моих товарищей, кто принимал участие в грабеже универмага на площади Ильича, арестовали. За мной тоже приходили, но, увидев, в каком я виде, меня не тронули. Мои родители сказали, что я отравился, будучи на проводах у своего товарища, и в день грабежа меня не было. Вот, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло!

Как я уже говорил, 22 октября 1941 года я уехал с эшелоном в эвакуацию в Саратов.

Позже, в декабре месяце 1941 года, я прочёл в газете «Правда» как раз об этом деле. Оказывается, моих товарищей судили и каждому дали по 10 лет лагерей. В статье писали, что вот, мол, сидят на скамье подсудимых десять выродков, которые пренебрегли всеми советскими законами, превратились в грабителей и так далее. Жестокая статья была. Ведь я их всех знал, кто они и что из себя представляют. Среди них был и мой друг Саша Прыткин, с которым я учился вместе. В день проводов Жорки Пророкова Саша Прыткин куда-то уезжал, и его не было дома, но его всё равно арестовали и осудили. Позже всем им заменили лагерь на год штрафной роты. Саша Прыткин чудом уцелел, чудом выжил. Он был ранен, попал в госпиталь, а из госпиталя вернулся домой инвалидом войны, пожил немного, где-то лет десять, и умер. Ранение у него было очень тяжёлое, рука была перебита, да так, что пальцы едва шевелились. Раздробленные кости не срастались. Осколок в лёгких сидел.

По прибытии в г. Саратов мы быстро восстановили завод. Чтобы понять, какими темпами всё делали, скажу, что на пятый день после прибытия на Саратовский вокзал мы уже приступили к сборке приборов!

Конечно, стен мы не возводили, дали нам уже готовое помещение бывшего Саратовского сельскохозяйственного института. Территориально он находился напротив 1-го и 2-го Саратовских танковых училищ, за городом, рядом с аэродромом.

Работали мы, без преувеличения, и днём и ночью. Где-то в конце февраля – начале марта 1942 года вышло постановление по заводу: перенести койки прямо в рабочие цеха. Кушать мы ходили в столовую, мылись в душе. Работали по 14-16 часов в день, а иногда, может быть, даже больше. Особенно это приходилось на конец месяца. Вы-

ходных дней не было. Поспишь часов 5-6 в сутки, тебя будят, встаёшь и идёшь работать. Мы жили и работали с одной мыслью о том, чтобы дать фронту всё необходимое, и это не лозунг и не пропаганда.

Мы действительно так жили, и хотя сейчас это кажется невероятным, но человек может ко многому привыкнуть и многое вынести.

До февраля месяца 1942 г. у нас была военная приёмка, которая осуществлялась офицерами-военпредами. В званиях они были: старший лейтенант и капитан. Возглавлял военную приёмку полковник Фохт.

В феврале месяце 1942 г. старший военпред полковник Фохт вызвал меня, моего друга Волкова Николая и предложил нам работать техниками военной приёмки. Мы сказали, что у нас нет технического образования и мы, наверное, не справимся с этой обязанностью, но он нам объяснил, что мы, делая эти приборы, уже подготовились к этой работе. Я поинтересовался насчет заработка. Он сказал, что заработок нам будет увеличен на 25-30%. Мы оба согласились и стали работать техниками-военпредами завода. Только у нас изменился режим работы. Мы теперь стали выезжать на полигон с приборами ПУАЗО делать пробег 500 км.

Всех военпредов-военнослужащих отозвали в Главное артиллерийское управление.

Воспользовавшись тем, что я принимал участок капитана Корлинского, я обратился к нему с просьбой, не мог бы он попутно отвезти моей маме пальто, костюм выходной, потому что я уже тогда собирался пойти добровольцем на фронт. В армии ни пальто, ни костюм мне бы не пригодились. Всё равно пришлось бы отдать кому-то всё за «так». А пальто драповое и костюм пригодились бы в семье. Ведь в то время буханка хлеба на рынке стоила 300 рублей.

Всё в ценности и сохранности капитан Корлинский передал моей матери.

Я уже говорил, что питались мы в столовой.

Все продукты выдавались только по карточкам. Если кто потерял карточку, то это была катастрофа. Этих людей «подкармливали» в столовой из числа того, что оставалось фактически от обеда. Мыло тоже выдавали по карточкам. При этом цены на всё были государственные, а не рыночные.

Мне пришлось работать вместе с моим товарищем, с которым я учился в 466 средней школе, Волковым Николаем. Когда меня дядя Костя, мой сосед, устроил на завод №205, то Волков Николай тоже последовал моему примеру. Он обратился ко мне, чтобы я его устроил работать на завод №205. Но так как этот завод был секретным, то

мне пришлось идти к начальнику отдела кадров, дяде Ване. Я попросил его, чтобы моего товарища завтра пропустили по заявке начальника отдела кадров и взяли на работу.

Таким образом, Волков Николай стал работать тоже слесарем-механиком, а потом техником военной приёмки.

Однажды мы с Колей Волковым разговорились, что жизнь такая надоела, и решили: надо уходить в армию, на фронт.

Я пошёл в Первомайский РВК г. Саратова, где мы были приписаны, обратился к райвоенкому с заявлением, где просил призвать меня в ряды Красной Армии. Подполковник вызвал девушку и дал указание принести моё приписное свидетельство. Она принесла, этот подполковник, прочитав, порвал моё заявление и сказал, чтобы с такими вопросами я к нему больше не обращался. Я спросил: «Почему?». Он мне чётко разъяснил: «У вас бронь Центрального Комитета партии ВКП(б)».

Я приехал на завод с Колей Волковым, обсудили ситуацию и решили идти к Фохту, но тут нам повстречались наши друзья, тоже техники военной приёмки, Смирнов Анатолий и Мухамедшин Мухамеджа Шариджанович. Они поинтересовались, куда мы идём. Мы им рассказали всё, как было. Они поддержали нас, и мы все вчетвером ввалились в кабинет полковника Фохта.

Пришли мы к нашему полковнику Фохту, изложили суть дела. Он спрашивает: «Куда же я вас направлю? Сейчас набора в училище ещё нет, рано. Будет только в июне-июле месяце».

Но всё же он вошёл в наше положение, посадил в свою машину М-1 и поехал с нами в военкомат. Там выяснилось, что есть какие-то ускоренные курсы по подготовке командиров отделений в пехоту. Вот на эти ускоренные курсы нас и определили.

Через полтора месяца мы закончили курсы. Нам присвоили всем звание сержанта – в петлице по два треугольника.

В день выпуска нас построили на плацу. Приехали какие-то офицеры и полковники.

Начальник курсов зачитал с трибуны приказ о присвоении нам звания, поздравил и затем, сойдя с трибуны, скомандовал: «Слушай мою команду! Смирно!»

– Кто имеет высшее или неоконченное высшее образование, десять шагов вперёд!

– Кто имеет среднетехническое или неоконченное среднетехническое образование, пять шагов вперёд!

– Кто окончил десять классов, три шага вперёд! Шагом марш!»

Мы вышли из общего строя, кто на 10 шагов, кто на 5 шагов, а кто на три шага, и последовала команда «направо» и «сомкнись».

Построили нас и повели к штабу.

Объявили:

– Кто желает поступить в военно-политическое училище – к полковнику такому-то...

– Кто желает поступить в артиллерийское училище – к полковнику такому-то...

– Кто желает поступить в 1-е Саратовское танковое училище – к полковнику такому-то...

Мы, посоветовавшись, решили пойти в 1-е Саратовское танковое училище.

И только мы направились к танкисту, слышу окрик. Меня подзывает полковник, который вербует в Военно-политическое училище. Я подошёл, доложил, сержант Железнов по Вашему приказанию прибыл. Он меня спросил, не хотел бы я поступить в Военно-политическое училище. Я ответил: нет, я решил вместе со своими друзьями пойти учиться в 1-е Саратовское танковое училище.

Он меня стал уговаривать, что, мол, окончишь училище, будешь политработником, а если проявишь себя, то батальонным командиром станешь!

Но я не поддался на уговоры и сказал: «Товарищ полковник, я уже решил. Я пойду со всеми ребятами, моими друзьями, в танкисты».

Так я ушел и был зачислен в 1-е Саратовское танковое училище. Это было где-то 25 июня 1942 года. Сразу после зачисления, все прибывшие прошли карантин.

Вообще, в то время образование 10 классов считалось хорошим, это очень ценилось, поскольку большинство ребят имели образование 4-7 классов. Многие после 7 классов шли либо в техникумы, либо на заводы, либо с 1940 года – в ремесленное училище(более известное как ФЗУ), откуда через 6 месяцев они выходили квалифицированными рабочими.

Проучился я один год, в июне месяце наше училище получило танки Т-34(76), а до этого нас учили на канадских танках «Матильда». Между прочим, пушка у «Матильды» – 40 мм.

Танк «Матильда» – это просто огромная мишень. Лобовая броня составляла 40 мм. Танк в целом был неуклюжим. У него стояло два силовых мотора типа «Леймьед» по 90 л.с. Всего 180 лошадиных сил. Для такой махины было мало мощности. Вес танка 15 тонн.

Итак, с июня по сентябрь месяц нас учили на отечественных танках Т-34(76). Придавалось большое значение изучению материальной части орудия – пушки 76 мм ЗИС – С-35 и изучению двигателя, трансмиссии. Если о башне, корпусе и прочем мы уже имели представле-

ние, то, скажем, о танковом дизеле мы ничего не знали. Двигатель на танке Т-34 стоял весьма мощный, марки В-2В – 450 лошадиных сил, а марки В-2К уже имел 500 лошадиных сил.

В 1-м Саратовском танковом училище нас учили на командиров взводов. При сколачивании экипажей танков я, как командир взвода, должен был позаботиться о том, чтобы члены экипажа танка могли друг друга заменить. На танках были установлены радиостанции типа 9-Р, 9-РС или 9-РМ, они нужны были для управления и поддержания связи. Окончил я училище с отличием. Как раз в то время вышел приказ об упразднении института военных комиссаров, (приказ вышел 9 октября 1943 года) и введении института заместителей командиров по политической части.

До этого политработники имели звания: младший политрук, политрук, старший политрук, батальонный комиссар и так далее. Теперь стояла задача обучить и переаттестовать их.

Наш выпуск как раз пришёлся на время начала этой переаттестации. Всем тем, кто окончил училище с отличием и на «хорошо», предложили остаться на три месяца. Предложили и мне. Я согласился быть назначенным командиром взвода курсов переподготовки офицеров политсостава.

Политработники проходили переподготовку, и возраст их колебался от 25 до 42 лет. Мне тогда, в 1943 году, в мае месяце, исполнилось 20 лет.

Что характерно, мне тогда было присвоено первичное офицерское звание младшего лейтенанта, т.е. по одной звездочке на погонах. Офицеры-политработники имели от двух кубиков (что означало – лейтенант), до одной шпалы (что означало – капитан).

Вот такое было различие возрастное и в воинских званиях. Мне, юноше, с ними было трудно. Они годились мне в отцы по возрасту.

Помню, однажды, я был дежурным по батальону. Прихожу в казарму, а во взводе стоит только три человека (а всего во взводе было 42 человека). Я у дневального спрашиваю, где остальные? Оказалось, 38 человек в самоволке.

Утром докладываю своему командиру роты, лейтенанту Бочастову: так, мол, и так, во время дежурства обнаружилось, что 38 человек находятся в самоволке.

Он меня спрашивает: «Вы кому-нибудь докладывали об этом или нет?». Отвечаю: «Нет, я никому не докладывал». Он мне говорит: «Молодец, что никому не докладывал».

Потом, когда все вернулись из самоволки, командир роты построил наш взвод и сказал, что это, мол, никуда не годится, что вполне до-

статочно, что по воскресеньям мы Вам даём увольнительную, и Вы отдыхаете. А чтобы каждый из Вас почувствовал ответственность, то мы сделаем так: каждую неделю каждый из Вас по очереди будет командовать взводом, потому что иначе рано или поздно придёт проверка, установит факт самоволки и командир взвода получит служебное несоответствие, и военная карьера его на этом закончится. Вот такой был случай, и я горжусь, что у меня хватило смелости доложить об этом, потому что в самоволку ходили до меня, но никто не докладывал.

После того, как кончилась программа переподготовки, всем офицерам политсовета были присвоены звания и нас отправили в г. Горький, в 3-ю запасную учебно-танковую бригаду, где офицеры получали маршевые взводы, роты. Укомплектовывались подразделения личным составом, материальной частью танков.

Происходило сколачивание подразделений в поле. Например, при сколачивании взвода мы отработывали такие задачи, как наступление взвода, взвод в обороне, взвод на марше, отстрел упражнений. Сколачивание роты происходило по той же тематике, что и взвода.

Хочется остановиться на том, что встречается в бою.

Отстрел упражнений, как правило, производился на полигоне из учебных танков. Но мы-то получаем технику с заводов, которая приходит на укомплектование взводов, рот, батальонов и т.д.

Отстрел не производится и, как всегда, танки с разгрузки идут на исходные рубежи и в атаку, а там ведь, если ты промажешь – не попадёшь по цели, то тебя обязательно «вмажут».

Дело ведь вот в чём: мы оказываемся на фронте с незнакомыми машинами. Наводчик – командир орудия не знает боя своей пушки, механик не знает, что может и чего не может его двигатель, и так далее.

Разумеется, мы стремились узнать свои машины получше до боя, для этого использовали всякую возможность.

Прибыли мы с маршевой ротой на станцию Боярка, что в 20 км южнее г. Киева, в распоряжение командира 10 гв. танкового Уральского Добровольческого корпуса генерал-лейтенанта т/в Г.С. Родина.

Там размещалась и техническая часть, которую возглавлял инженер-полковник Ширяев.

Так как мой взвод, которым я командовал в маршевой роте, по прибытии в корпус был как бы роздан по танку в каждую танковую бригаду, а мой танк, так как он имел радиостанцию дальнего действия (РСБ), направили в распоряжение начальника штаба корпуса – полковника Лозовского.

Но у полковника Лозовского был уже экипаж, который так же, как и мой экипаж, владел радиостанцией дальнего действия, поэтому

экипаж, с которым я прибыл, был выведен в резерв, а меня, как офицера, направили в распоряжение начальника оперативного отдела штаба корпуса на должность нештатного офицера связи.

В то время часть вела бои за овладение сахарным заводом, станцией и городом Фридриховка.

Части корпуса 61, 62 гвардейские танковые и 29 гв. мотострелковая Унечская бригады попали в окружение, и связь с ними была потеряна. Начальник оперативного отдела штаба корпуса вызвал меня. Он дал такой приказ: пройти через линию фронта, добраться до окружённых частей корпуса во Фридриховке и получить от командиров частей 61 и 62 гв. танковых бригад и 29 гв. мотострелковой бригады данные о списочной численности, потерях в живой силе и технике, вернуться утром с этими данными и доложить.

Для выполнения поставленной задачи в моё распоряжение выделили 7 солдат, вооружённых винтовками и гранатами.

Примерно в 15.00 (числа не помню) я вышел с солдатами для выполнения поставленной задачи и направился ложиной к командирской роты, находящемуся на переднем крае, в окопах.

Когда подходили к переднему краю, нас обстреляли немцы, и наша группа вынуждена была вернуться и дожидаться темноты. Раненного в пятку солдата отправили в медсанзвод.

С наступлением темноты мы выдвинулись к переднему краю. Нашли командира роты. С ним я уточнил расположение немецкой обороны, и только после этого двинулись на Фридриховку. До Фридриховки было примерно 4 километра, шли мы ложиной. Подошли к шоссе дороге, и вдруг донёсся звук работающих моторов. Это шла немецкая колонна танков и очень много автомашин, тяжелых машин типа дизель «Ман». Мы спрятались под мостом. Когда прошли все танки, мы двинулись вперёд. Отошли от дороги примерно метров 300-350, нас окликнули: «Стойте! Кто идёт!». Так как речь шла на русском языке, я встал во весь рост и сказал: «Идёт офицер связи штаба корпуса», конечно, пароль я не знал, поэтому последовал приказ: «Офицер связи ко мне, остальные на месте!». Я подошёл, меня, конечно, никто не знал, поэтому для выяснения личности мне приказали идти за солдатом, который привёл меня в блиндаж, где уточнил всё, и нам разрешили следовать в штаб 29 гв. мотострелковой бригады, где я представился начальнику штаба бригады. Меня расспросили о состоянии дел. Составили донесения за все части 61, 62 гв. танковых бригад и 29 гв. мотострелковой бригады. Захватив изрядно трофеев, особенно шоколада, мясных консервов, сыра и пр., мы двинулись в обратный путь, так как было уже где-то 2-3 часа ночи.

Пройдя всё расстояние обратного пути, я решил с тыла подойти незаметно к пулемётному гнезду немцев, которое нас обстреляло из пулемёта МГ-34. Я подозвал к себе командира отделения, поделился с ним этой идеей, он согласился со мной, и мы подползли почти вплотную. До пулемётного гнезда оставалось где-то 15-20 метров. Послали двух солдат с ножами, они бесшумно сняли солдат – немцев. Я подполз в гнездо, мы забрали документы и пулемёт, но в это время с нашей стороны, где стояли наши в обороне, была пущена ракета. Ракета осветила нас, и немцы, увидев нас, открыли огонь.

С большим трудом мы добрались до своих, потеряв двух человек ранеными. Задача была выполнена. Донесение в срок было доставлено в оперативный отдел штаба корпуса и вручено майору Зайцеву В.И.

В этих боях 63 гв. танковая бригада совершала марш из Романовки, танк командира бригады подполковника Фомичёва М.Г. подорвался на mine.

Начальник штаба корпуса полковник Лозовский по приказу командира корпуса передаёт свой танк командиру 63 гв. танковой бригады подполковнику Фомичёву М.Г.

Полковник Лозовский собирает мой экипаж и меня и ставит задачу прибыть на танке в пункт Н, найти подполковника Фомичёва М.Г. и доложить ему, что радиыйный танк прибыл в распоряжение.

Таким образом, я со своим экипажем прибыл в распоряжение командира 63 гв. танковой бригады.

Далее события развивались исходя из поставленной задачи 63 гв. танковой бригаде – войти в прорыв и развивать наступление на г. Каменец-Подольский, составляя передовой отряд 10 гв. танкового Уральского Добровольческого корпуса и так в составе 63 гв. танковой бригады, выполняя поставленную задачу, наступать в направлении г. Скалат районного центра Тернопольской области, далее Гусятин, Каменец-Подольский.

На подходе к городу Скалат произошёл ожесточённый бой, но челябинцы, действуя внезапно, уничтожили противника и 13 марта бригада по существу на плечах немцев, ворвалась в г. Скалат. Помнится мне один случай на окраине города. Вход в город – шоссеиную дорогу – охранял немецкий танк «тигр», и буквально, как только появился наш танк, он становился мишенью. Надо было как-то уничтожить этот танк «тигр». Подполковник Фомичёв М.Г. вызвал к себе командира взвода роты управления. А в роте управления были два танка типа «Валентайн». Комбриг ставит задачу командиру взвода уничтожить танк «тигр». Командир танка «Валентайн» повёл свой танк кустарником, который примыкал к окраине г. Скалат почти вплотную. Танк подо-

шёл незаметно. Ведь высота танка всего 1,95 м. Видимо, немецкий танкист не видел подошедший танк «Валентайн» на расстояние где-то около 200 метров. «Валентайн» дал один выстрел в борт «тигра», и «тигр» загорелся. Выпрыгнувший немецкий экипаж сразу же попал под огонь наших автоматчиков и был перебит.

И сразу же наши танки во взаимодействии с пехотой пошли в атаку. Немцы, бросив свои орудия и другую технику, бросились наутёк.

А 22 марта вражеский гарнизон, оборонявший районный центр Гримайлув, бросил сопротивление и бежал. Были захвачены пленные и трофеи, причём очень богатые трофеи.

На железнодорожной станции стояло много составов, главным образом с награбленным добром.

Командованием армии было принято другое решение- наступать на Каменец-Подольский.

Город – районный центр – был взят с ходу. Немцы мирно жили и не ждали нас с северо-запада, а когда хватились, открыли беспорядочный ружейно-пулемётный огонь, но было уже поздно. Танки с ходу таранили как бронированные машины, так и транспортные машины.

Теперь мы вышли на дороги, а то ведь земля превратилась в грязное месиво, дожди, чернозём, люди проваливались по колено в грязь, передвигаться было почти невозможно. Все транспортные машины были взяты на буксир. Специально для этой цели были выделены танки батальона майора Гоя. Впереди Оринин – небольшой городок, ныне село. Этот путь мы прошли быстро и 24 марта вошли без боя в г. Оринин. Мой танк первым вошёл в город.

Здесь комбриг сделал бригаде отдых. Мы там дозаправились и пополнили боезапасы. Население Оринина встретило нас с восторгом, очень тепло. Несли к танкам соленья, сало, молоко, творог, сметану.

До Каменец-Подольского остаётся 20 км, командир бригады приказывает включить фары и двигаться с включенными фарами.

Немцы не подозревают, что мы можем появиться в глубоком тылу у них. Спокойно движутся по дороге, но наши танкисты дают обозы, машины, бронетранспортёры немцев. С наступлением сумерек врываемся в Должок, это предместье г. Каменец-Подольского и, почти без боя, овладеваем им. Нам достались огромные трофеи – это около 4,5-5 тыс. автомашин разных марок, причём многие машины были гружёные. На улице Должка шикарные легковые автомашины.

С включёнными фарами врываемся на западную окраину Каменец-Подольского, со стороны Турецкой Крепости. Далее на мост через реку Смотрич.

Гитлеровцы не ожидали, в нижнем белье выскакивали из домов и попадали под губительный огонь наших автоматчиков, сидящих на танках десантом.

Кое-где противник стал оказывать сопротивление. Выползавшие из переулков немецкие танки попадали под губительный огонь наших танков. Бои продолжались всю ночь 24 марта и особенно разгорелись днём 25 марта. Приходилось драться за каждый дом. К утру 26 марта бои стихли. Немцы стали сдаваться не только поодиночке, но и взводами и ротами.

В сводке информбюро было записано: «Войска 1-го Уральского фронта, развивая наступление, вчера, 26 марта, в результате стремительного удара танковых соединений и пехоты овладели областным центром Украины – городом Каменец-Подольский – сильным опорным пунктом немцев на Днестре. В боях за овладение городом Каменец-Подольский отличились части полковника Смирнова, полковника Жукова, полковника Денисова, полковника Фомичёва...».

Я, как командир радиийного танка командира бригады, стою около Фомичёва М.Г.. Он мне говорит: «Ты, наверное, что-то перепутал». Дело в том, что Фомичёв М.Г. до этой сводки – приказа Верховного Главнокомандующего Маршала Сталина – был в звании подполковника.

И примерно через 10-15 минут командиры 29 гв. мотострелковой бригады – полковник Смирнов, командир 61 гв. танковой бригады – полковник Жуков и командир 62 гв. танковой бригады – полковник Денисов шумными голосами поздравляют Фомичёва М.Г. с присвоением звания полковника. Фомичёв М.Г. говорит им, что он только что читал сводку. Давайте позвоним в штаб корпуса, так ли это. Начальник штаба корпуса полковник Лозинский подтверждает, что да, действительно, Вам, товарищ Фомичёв М.Г., присвоено Верховным Главнокомандующим досрочно звание полковника.

Ну что? Меня выпроводили, а Сабко М.Н., ординарец комбрига, уже хлопчет в отношении того, чтобы обмыть присвоение звания. Я ушёл к своему танку, и Сабко Марк Наумович прибежал ко мне и говорит: «Дай спирту». Надо обмыть «полковника». Накануне я заправил 90-литровый бак чистым спиртом и 60-литровый бак тоже чистым спиртом на ликёроводочном заводе. Спирт был захвачен нами в качестве трофеев в г. Каменец-Подольском.

К вечеру, примерно к 16 часам, обстановка резко изменилась.

Проскуровская группировка, сосредоточив большое количество танков и живой силы, прорвала оборону Советской армии и двинулась на село Жердьё, Оринин, в последующем захватить Каменец-

Подольский. Командование корпуса вынуждено было принять решение и провести тотальную мобилизацию в корпусе, с целью не допустить захвата города немецко-фашистскими войсками.

От командующего 4-й танковой армией генерала Лелюшенко Д.Д. была получена телеграмма, адресованная командиру корпуса генерал-майору Белову Е.Е., немедленно направить батальон танков для оказания помощи штабу армии, попавшему в г. Оринин в окружение гитлеровцев.

Вот наступил тот ответственный момент, когда радиный танк с радиостанцией РСБ дальнего действия был командирован на выполнение поставленной задачи, т. е. идти на выручку попавшего в окружение штаба 4-й танковой армии.

Дорога через Турецкий мост крепости и сам мост были заминированы нашими сапёрами.

Командир взвода сапёров 131 гв. сапёрного батальона лейтенант Рябушко В.М. разминировал дорогу и мост, освободив дорогу, пропустил нас на тот берег, и мы в составе 7 танков направились в город Оринин, где был в окружении штаб 4 танковой армии.

Пошли предместья города Должок и, въезжая в хутор Козак, встретили немецкие танки, которые имели задачу вновь захватить г. Каменец-Подольский. Мы вынуждены были открыть огонь, но и гитлеровцы не зевали. Дуэль продолжалась примерно с час. Гитлеровцы стали обходить нас слева и справа. Мы вынуждены были обходить огородами, прячась от «тигров». Таким образом, отходя к Турецкой Крепости, мы вынуждены были встать в жёсткую оборону. В это время зелень садов пригорода Должок сильно распустилась и мешала прицельному огню. Зелёная листва застилала точное прицеливание и отыскание цели.

Около крепости через дорогу в Должок стоял саманный сарай. Гитлеровская самоходка с 56 мм пушкой выстрелила из орудия по танку Т-34, принадлежащему 16 гв. механизированной бригаде 6-го гв. механизированного корпуса. Я заметил самоходку только после выстрела и, наведя на это место пушку, произвёл выстрел. Самоходка загорелась, и из неё стали выскакивать гитлеровцы, которые сразу же попали под автоматный огонь наших мотострелков.

Атаку немцев поддерживала пехота. Они, видимо, были пьяны и шли во весь рост. Пулемётами, спаренным и лобовым вели непрерывный огонь. Много немцев было перебито. Примерно около 40 человек.

27–28 марта гитлеровцы вынуждены были уйти на запад, обходя город с севера. Гитлеровцам удалось к 2 апреля выйти в район Борщова, что находится между Каменец-Подольским и Бучачем.

Обоюдные атаки продолжались до 18 апреля.

В ночь 20 апреля бригада совершила бросок и заняла оборону северо-западнее города Коломыи. Мы сменили пехоту.

Простояли мы в обороне недолго. Гитлеровцы поняли, что на смену пехоте прибыли танкисты, а мы действительно с ними не шутили, да и гитлеровские силы помякли так, что силы у них оставалось только на то, чтобы удержать свои позиции.

Вскоре нас сменила пехота, а наша бригада в составе корпуса ушла в тыл, на отдых и формирование. 63 гв. Челябинская бригада разместилась в польской деревне, в 7 км от города Коломыи.

Получив личный состав и танки, в бригаде начали настоящую боевую и политическую подготовку, по боевому сколачиванию экипажей танков, танковых взводов, рот и батальонов. На полигоне, где проводился отстрел упражнений, командующий 4 танковой армией организовал соревнования отлично стрелявших из танкового оружия.

Условия соревнования были таковы: танкист с хода или короткой остановки должен был в течение 2,5 минут поразить движущуюся цель размерами с нормальный немецкий танк, на расстоянии 300 метров. 5-ю снарядами – отлично, 4-мя снарядами – хорошо, 3-мя снарядами – удовлетворительно. Поразить цель 1-м или 2-мя снарядами считалось упражнение невыполненным.

Командующий 4 танковой армией лично проводил соревнование и всем участникам соревнования, которые с пяти выстрелов поражали мишень пятью снарядами, здесь же, у пораженной мишени вручал именной портсигар, на котором было написано гравёром: «Отличнику стрельбы из танкового оружия от командующего и Военного Совета 4 танковой армии».

Я участвовал в этом соревновании. Меня командир 1-го танкового батальона гв. капитан Егоров Н.Н. направил на это соревнование потому, что я вёл в батальоне занятия с командирами орудий (наводчиками), заряжающими и офицерами по изучению материальной части пушки ЗИС-С-53-76 и пулемётами ДТ.

Выполнил я это задание на соревнованиях на отлично.

Мне Д.Д. Лелюшенко в присутствии комбрига полковника М.Г. Фомичёва и комбата 1-го танкового батальона 63 гв. танковой бригады гв. капитана Егорова Н.Н. и судей вручил портсигар именной с папиросами 20 шт. марки «Норд» (Север).

М.Г. Фомичёв похвалил меня и горячо поздравил, а капитан Егоров обнял меня и сказал: «Молодец».

Примерно 3 июня 1944 года бригада получила задачу совершить 200 км марш и 5 июня 1944 года сосредоточиться в районе Игровица.

Стало известно, что скоро будет поставлена задача: наш 1-й Украинский фронт готовится к наступлению. Нам противостояла немецко-фашистская группировка войск «Северная Украина», в которую входили значительные силы: 34 пехотные дивизии, 2 пехотные бригады, 5 танковых дивизий и одна мотострелковая. Эта группировка занимала фронт от Полесья до Карпат.

На пути нашего наступления лежало немало преград: Западный Буг и др. реки, наше направление главного удара: Тернополь – Львов.

Накануне наступления 10 июля прошли партийные собрания. На этих партсобраниях меня приняли кандидатом в члены Коммунистической партии. 14 июля началось наступление в полосе 38 армии в направлении г. Перемышляны. Задача – разгромить львовскую группировку противника, овладеть городом Львов.

14 июля 60-я и 38-я армии к исходу дня смогли продвинуться только на 3-5 км. Противник ввёл в сражение тактические резервы, и бои стали ещё ожесточённые. Прорвать оборону удалось в районе Колтува благодаря 322 стрелковой дивизии, которая прорвала оборону и проделала коридор на глубину 18 км и шириной 3-5 км. Этот коридор создал условия ввода в сражение 16 июля 3-й танковой армии, а утром следующего дня нашей 4-й танковой армии. 17 июля бригада участвует в прорыве вражеской обороны. Прорвав оборону возле села Тростянец, 63 гв. танковая бригада стала передовым отрядом корпуса.

Наступление продолжалось днём и ночью. Ворвались в город Золочев. На улицах идут бои. Челябинцы бьют немцев. Танк старшего лейтенанта Потапова прорвался к железнодорожной станции и разбил паровозы. Вскоре бои перешли за пределы города. Командир 1-го танкового батальона капитан Егоров назначает меня в боковой левый дозор и ставит задачу: двигаться по просёлочной дороге, идущей параллельно шоссе Золочев-Львов в 3-5 км, и охранять слева головную походную заставу.

Танки бригады пошли по шоссе Г.П.З. передового отряда – 1-й танковый батальон 63 гв. танковой бригады.

Примерно прошёл со взводом около 20 км. Держу непрерывную связь и наблюдение и здесь, выходя из леса на опушку, вижу, в 2-2,5 км движется колонна, вся в пыли. Пыль как дымовая завеса.

Я дал команду остановиться, расставил танки и сообщил комбату, что вижу – движутся танки 16 шт., а за ними примерно около 25 автомашин дизель «Ман». В бинокль хорошо видно, усажена пехота гитлеровцев.

Получил команду встретить и расстрелять колонну.

Я дал команду «к бою» и сам влез на танк. Стрелять по команде. Танки немцев -«пантеры» Т-V. По танкам открыли огонь два наших танка Т-34 (76), а третьему я приказал бить по транспортным машинам осколочными.

Бой начался с того, что мы подбили 2 передних танка, они загорелись. Далее всё перемешалось. Танки немцев рунулись в лес. Ещё два танка подожгли. Немцы обрушили весь огонь на нас. Видя, что бой складывается неравный, я приказал танкам уйти в лес и двигаться на соединение с головной походной заставой, т.е. с первым танковым батальоном.

Третий танк моего взвода младшего лейтенанта Нагаева вёл огонь по транспортным автомашинам немцев и точными попаданиями прямой наводкой уничтожил шесть машин. Очень большое количество немцев погибло в этом бою.

Держа связь с капитаном Егоровым, я открытым текстом доложил обстановку и получил команду выйти из боя. И в этот момент болванка немцев попадает в мой танк, в трансмиссионное отделение, и танк загорается. Я дал команду покинуть танк и, остановив один из танков взвода, сел на него, и мы покинули поле боя.

Присоединились к ГПЗ бригады. М.Г. Фомичёв похвалил меня за боевые действия и продолжал двигаться.

Тем временем подходим к населённому пункту Словита. Гарнизон был малочисленным и, увидев большое количество советских танков, немцы, бросая оружие, бросались наутёк. Но были и такие фашисты, которые брались за оружие и били по нашим танкам.

Из-за угла дома показался фаустник, бросился в кювет дороги и хотел прицелиться и выстрелить по впереди идущему танку. Я быстро достал парабеллум, а он был у меня в кобуре, и, прислонившись к башне танка, выстрелил в фаустника, он от нашего танка был примерно в 55-60 метрах. Пуля попала точно в голову, но фаустник уже бесприцельно выстрелил, и фаустпатрон попал в дом. Дом загорелся.

Выбив гитлеровцев, наша бригада полностью завладела Словитой.

Приведя себя в порядок, личный состав хорошо пообедал, так как кухня, следовавшая за 3-м танковым батальоном, накормила нас полным обедом.

Через 15 минут бригада приступила к выполнению поставленной задачи вытянуться в колонну, свернули на лесную дорогу.

Справа от нас остаётся деревня Логодов. Не встречая сопротивления, достигаем шоссе Перемышляны-Львов и видим, со стороны Перемышлян движутся семь самоходок противника. Комбриг даёт распоряжение командиру взвода тяжелых танков ИС-2, прикомандированных от 72 гв. тяжё-

лого танкового полка старшему лейтенанту Послепову уничтожить самоходки. А тем временем самоходки немцев уже подошли на 250-300 метров и меткими выстрелами уничтожили их. Все семь самоходов горят, а наши автоматчики уничтожили экипажи.

Пока тяжёлые танки поджидали самоходки гитлеровцев, танки бригады вброд форсировали реку Свирж. 20 июля, утром, бригада ворвалась в село Водники, вышли на шоссе Харьков-Львов. Здесь наш 1-й танковый батальон неожиданно наткнулся на значительные силы немцев. Завязался ожесточённый бой. Механик-водитель танка, Аким Басинский, опытный водитель, стремительно ворвался в расположение немцев, раздавил две пушки, несколько пулемётных точек и в этот момент снаряд попадает в башню. Пушка и пулемёт замолкают. Заряжающий сделал перевязку командиру танка мл. лейтенанту Александру Семенову. Басинский кричит, спрашивая: «Танк вести назад?». Командир даёт команду: «Только вперёд!». Достигнув высоты, в танк попадает другой снаряд, машина встала, мотор заглох. В живых остался один механик-водитель Аким Басинский. Танк сгорел. Басинский очнулся и вышел из танка.

А тем временем другие танки обошли танк Басинского, и пошли вперёд, бить фашистов. Так механик-водитель остался на ржаном поле один. Членов экипажа он вытащил и похоронил там, около танка.

Бригада шла на Львов, обходя узлы сопротивления, но уже в головной походной заставе шёл 2-й танковый батальон. Впереди головной походной заставы шёл взвод Д.М. Потапова с группой разведчиков десантом на танках.

Встречаем опорный пункт. Старший лейтенант Потапов докладывает, что впереди артиллерийская батарея немцев и 4 танка, из них два «тигра». Комбриг поворачивает бригаду, мы огибаем этот опорный пункт и с хода входим в небольшой населённый пункт Давыдов. В бинокль виден г. Львов, который живёт, ничего не подозревая.

Вдруг, откуда ни возьмись, немецкая авиация. Рассосредоточиваемся. Более 10 юнкеров на небольшой высоте наносят бомбовый удар, и мы теряем три танка и около 10-ти солдат убитыми, не считая раненых.

В 18.00 21 июля 1944 года мы вошли на окраину г. Львова и остановились на зелёной улице.

Начальник штаба подполковник Баранов говорит: «Вот бы сейчас кого-нибудь, кто хорошо знает город Львов». Капитан Гаськов, помощник начальника штаба по строевой части и говорит: «Стоп! Я знаю, кто из Львова, и он, старшина Марченко Александр, нам поможет».

Тогда комбриг приказал найти экипаж лейтенанта Даданова А.В. и пригнать танк сюда.

Вызвали танк Даданова А.В., и комбриг Фомичёв М.Г. поставил ему задачу вести танк «Гвардия» к ратуши г. Львова.

В 12 часов ночи танк «Гвардия» выходит вперёд. Ярко светит луна. Танкисты движутся медленно. Впереди пушка и два танка противника. Фомичёв М.Г. приказал лейтенанту Даданову А.В. атаковать. Танк сходу раздавил пушку и уничтожил один за другим два танка Т-IV. Противник не ожидал, что русские появятся с южной окраины города, и принял наши танки за свои, так как было сравнительно темно, хотя и светила луна.

– До центра рукой подать, – говорит Александр Марченко.

Танк «Гвардия» первым подошёл к зданию Ратуши. Фашисты открыли огонь по смельчакам.

Не отрываясь от автоматчиков, танк продвигался вперёд.

Марченко молча пожал танкистам руки и, взяв Красное знамя, побежал к зданию. Поднялся по ступенькам к парадному входу. За ним автоматчики. Благополучно достигли 3-го этажа. Ворвались в коридор. Несколько гитлеровцев пытались преградить путь, но автоматчики быстро с ними расправились. Александр Марченко приблизился к башне, вылез на крышу и укрепил Красное знамя.

Вниз воины спускались радостные и счастливые. Гвардии старшина Марченко первым выскочил на улицу и направился к танку. Но в это время гитлеровцы открыли огонь и две пули вонзились в Марченко. Он упал на мостовую. К нему устремились на помощь командир танка лейтенант Даданов и водитель Сурков. Они подняли гвардейца и понесли к танку, положили его на моторное отделение и хотели отвезти в безопасное место, а там оказать помощь. Но в это время вблизи разорвался осколочный снаряд, и осколок попал в голову Марченко. Кровь хлынула ручьём. Подбежавший к нему санинструктор Рождественский стал делать перевязку, но немецкий снайпер точно попал, и Рождественский стал тихо склонять голову на грудь товарища. Оба погибли. Мы с болью узнали эту весть.

Бригада освобождала Львов. Мы отбивали улицу за улицей.

Помню: улица и большой сквер, железная ограда. Говорю мл. лейтенанту Нагаеву: «Давай вперёд, по этому газону и посмотрим, что это за дом». Подъехали. Огромный дом, напоминает замок, прекрасный парадный подъезд. На фасаде дома прекрасная лепка. Я послал двух автоматчиков в этот дом, посмотреть, что это за дом, который обнесли железной оградой.

Прошло около 10 минут – ни солдат, ни известий, тогда я пошёл сам и взял с собой механика-водителя Колю Петухова. Пошли в этот дом. Открыли двери. Ручки бронзовые, начищены до блеска золота. Вошли, вижу, парадная лестница. На лестнице ковровая двухметровая аккуратно заправленная дорожка. Я сразу понял, что это какое-то правительственное учреждение немцев. Поднялись на второй этаж. Видим, коврами устлана площадь примерно около 55-60 м². Влево уходит коридор. По коридору устлана на всю длину его ковровая дорожка. Прямо перед нами дверь трехметровой высоты. Я говорю Петухову: «Ты пройди, посмотри по коридору, а я загляну сюда, в эти двери».

Вхожу. Вижу, большая приёмная, пол покрыт коврами. Стоит огромный дубовый стол. На столе скатерть из зелёного сукна. Из левой тумбы выброшены ящики и разбросаны по ковру бумаги около ящиков.

Влево тоже трехметровая дверь с начищенными до блеска золота ручками. Открываю и в то же время чувствую на себе чей-то взгляд. Я посмотрел вправо и вижу: вылезает из тумбы немецкий офицер и держит в правой руке пистолет «парабеллум». Я сразу нырнул в открытую дверь, и в этот момент прогремел выстрел, выстрелы последовали в дверь. Но дубовую дверь, видимо, пуля парабеллума не пробила. Я быстро нашел щель между дверями, увидев обер-лейтенанта, я выстрелил из своего парабеллума, и пуля попала этому обер-лейтенанту в плечо, у него из руки выпал пистолет. Я быстро вскочил и закричал: «Хенде хох!». Немец, увидев меня с пистолетом в руке, продолжал левой рукой держаться за рану.

На выстрелы прибежал ст. сержант Петухов Коля и те автоматчики, которых я посылал ранее в дом.

Прибежали и ещё автоматчики, которые были десантом на танке.

Я отобрал у него ключи от сейфа. Забрал парабеллум, снял с него кобуру. А в это время Петухов Коля говорит мне: «Товарищ лейтенант, вы посмотрите, какие у него часы на руке». Да, действительно, у него были часы «Сильвана» – антимагнитные и водонепроницаемые. Он, Коля Петухов, снял с этого обер-лейтенанта часы, подаёт мне и говорит: «Это Вам, товарищ лейтенант, что остались живы». Эти часы у меня до сих пор лежат в моих архивных делах, как память о Львове.

Открыли сейфы, конечно, с помощью этого обер-лейтенанта, так как сейфы, кроме ключей, имели секреты.

В этих сейфах оказались награды Третьего Рейха. Железные кресты различных степеней, прочие награды. Деньги рейхсмарки, очень много. Мне показалось, в трёх сейфах, наверное, миллионов 100-150.

Я приказал эти сейфы закрыть и ключи сдать замполиту батальона.

Только мы вышли из этого дома – откуда-то начался обстрел, и немцы устремились к этому дому. Оказывается этот дом – управление Рейхсканцелярии фронта Северная Украина.

Наш танк вёл огонь по немцам из пушки и пулемётов. Подошли ещё два танка, и тут наши танки пошли вперёд. Мы продолжали находиться в этом доме. Это было уже 25 июля, уже день клонился к 17 часам.

Танки наши ушли вперёд, мы вышли из этого дома, и мы с Петуховым вместе решили перебежать газон, а за домами стояли наши танки.

Вдруг откуда-то прилетел снаряд и разорвался, что-нибудь в 50-60 м от нас, мы продолжаем двигаться вперёд. За нами идут автоматчики, я их развернул в цепь и, вдруг, совсем близко разрывается снаряд – один, другой. Я командовал всем залечь и только хотел встать, разорвался снаряд, и меня ранило в бок два осколка. Тогда я вскочил и побежал, а за мной поднялись все остальные. А кровь, чувствую, бежит. Я попросил Петухова посмотреть, что у меня. Он вытащил из комбинезона индивидуальный перевязочный пакет. Я снял ремень, поднял гимнастёрку. Носовым платком убрал излишнюю кровь и стал перевязывать меня. Перевязав, он говорит, что за нашей бригадой шла Дара Ефимовна, наш врач из медсанзвода.

Пошли по улице, нашли Дару Ефимовну Гриценко. Она сняла повязку, осмотрела, кровь опять пошла. Она обработала рану, вытащила пинцетом осколки, ещё раз обработала рану и забинтовала, конечно, записала всё в свой журнал. Я побыл в медсанзводе бригады где-то около двух суток и ушёл в бригаду.

Она обратилась к командиру бригады и докладывает, что лейтенант Железнов сбежал из медсанзвода, и я не знаю, где он находится. А Фомичёв ей говорит: «Не волнуйтесь, Дара Ефимовна, он находится в 1-м танковом батальоне».

А тем временем, к утру 27 июля 1944 года общими усилиями подошедших частей город Львов был в основном освобождён и, только ещё в некоторых местах окружённые гитлеровцы оказывали сопротивление.

В то время во Львове чтят память своих освободителей. На здании Городского Совета депутатов была прикреплена мемориальная доска, где было написано:

«На башне этого здания 23 июля 1944 года танкист гвардии старшина Марченко водрузил Красное знамя, ознаменовав этим освобождение города Львова от немецко-фашистских захватчиков».

А танк «Гвардия» 2-го танкового батальона 63 гв. Челябинской танковой бригады возвышался на постаменте, на улице Ленина города Львова.

Совинформбюро ночью 28 июля 1944 года передало сообщение об освобождении г. Львов. Командир бригады собрал всех, до командира взвода

включительно, и поставил задачу: не дать возможность противнику закрепиться на водном рубеже р. Висла. Ставка Верховного Главнокомандования поставила задачу войскам 1-го Украинского фронта стремительно развивать наступление в западном направлении и не позже начала августа с ходу форсировать Вислу. Наш корпус в составе 4-й танковой армии совместно с передовыми частями 38-й армии нацелить на Самбор, Дрогобыч, Борислав с тем, чтобы овладеть Дрогобыч-Бориславским нефтедобывающим районом.

Далее комбриг сказал, что соседи наши, 3-я гвардейская танковая армия Рыбалко П.С., устремились к реке Сан, форсировала её и вступила на территорию Польши.

Получив задачу, наша 63-я гв. Челябинская танковая бригада была опять назначена в передовой отряд корпуса. Предстояло идти на Самбор. В головной походной заставе шли танки 3-го танкового батальона. У деревни Большой Любень танк головного дозора подорвался на mine. И тут же артиллерия противника открыла огонь. Командир бригады полковник Фомичёв М.Г. приказывает отойти, в бой не ввязываться и приказал головной походной заставе обойти деревню левее.

Гитлеровцы использовали сильно пересечённую местность, укрепились и сделали опорные пункты для упорного сопротивления, с тем чтобы задержать передовые части в предгорье Карпат и не дать им возможность продвигаться. Но комбриг, искусно маневрируя, усилил головную походную заставу разведывательным взводом старшины Соколова и сапёрами лейтенанта Лившица. Впереди город Рудки. Комбриг развертывает бригаду – и вперёд, в атаку. Короткий бой, и город был взят. Рудки – маленький провинциальный городок. Очень красивый и чисто убранный, на улицах много зелени. Дома выбелены известью.

Мы не задержались в городе Рудки, так как торопил продвигаться вперёд командир корпуса, генерал Е.Е. Белов. Вышли из городка, глядим – указатель, где написано: до Самбора 32 км.

Ведь для танкистов это расстояние рукой подать! Идём без боя. Прошли уже полпути. Комбриг даёт команду сделать привал, осмотреть технику, поправить снаряжение. Солдаты, сержанты, офицеры, кто занят делом, расположились вдоль дороги. Выставили охранение.

А тем временем узнали у хозяина саманного домика, что на окраине Самбора стоит много немецких танков. На перекрёстках установлены противотанковые пушки. Да, полученные данные очень ценные, но не утешительные. И командир бригады, собрав всех офицеров, сообщил полученные разведанные. Тут же принял решение идти на Самбор, но обходными местными дорогами, южнее сёл Хлопчинцы, Калинов и с юго-востока вернуться в город.

Тут помощник начальника штаба капитан Гаськов смотрит на карту и задаёт вопрос: а как же реку Днестр форсировать?

Комбриг ответил, что надо искать брод.

Хозяин дома, который дал информацию о немцах, слышал наш разговор. Подходит к нам и говорит: «Господин офицер, позвольте Вас проводить». Хозяин этого дома был очень старый человек, и, когда забирался на танк, солдаты были вынуждены ему помочь.

Ехали очень осторожно. Полевая дорога упёрлась в реку Днестр. С помощью этого старика нашли брод. К вечеру 6 августа вышли к селу Дупляны. Штурмовать село решили с двух сторон. Со стороны города Дрогобыч и со стороны города Самбор.

Наши танкисты 1-го танкового батальона ворвались в село по двум улицам. В огороде стояли немецкие подводы, во дворах – автомашины, груженные продуктами и боеприпасами.

Немцы были застигнуты врасплох, началась стрельба, в панике гитлеровцы заметались, разбегаясь по садам и огородам. Мы взяли в плен несколько солдат и офицеров.

Гвардейцы 1-го танкового батальона в упор расстреливали танки, бронемшины. Давили обозы, которые пытались вырваться из кольца. А рота Сидельникова пленила штаб полка и взяла в плен несколько штабных офицеров и солдат.

К вечеру подошли другие части соединений армии. 7 августа село Дупляны было освобождено. По улицам повели колонны пленных. Жители села вышли из погребов и подвалов. Начались рукопожатия, обнимания, угощения. В общем, жители восприняли освобождение очень хорошо и даже весело. Появилась горилка и угощение.

Опять приказ! Танки бригады вывели из села, сосредоточились в лесу для получения следующей задачи. Старший лейтенант Сидельников, что-то уж очень расстроен. Спрашиваем в чём дело. Он и говорит, вы знаете, убит проводник, тот самый старик, что показывал нам дорогу, и с его помощью мы нашли брод и переправились через Днестр.

Вот кто убил? Есть две версии, что убил его притаившийся националист. Есть другая версия, что убил проводника немецкий снайпер. Так мы и не узнали, кто же всё-таки убил проводника.

Похоронили старика с воинскими почестями. Сапёры вырыли могилу. Тело старика бережно опустили туда. Раздался троекратный винтовочный залп. Прощай, патриот Родины!

Комбриг организовал отдых и питание. Приехали кухни и стали кормить людей. А в это время радио сообщило, читал Левитан: 7 августа в 21 час столица нашей Родины Москва салютует доблестным войскам 1-го Украинского фронта, овладевшим г. Самбор, 12-ю артиллерийскими залпами из 124 орудий.

Начальник штаба корпуса поставил новую задачу бригаде: не допустить отхода противника в район Санок.

Бригада снялась и пошла быстрым маршем по шоссе. Совершив семидесятикилометровый марш, бригада прибыла в район пограничного села Медика.

Впереди – река Сан. Понтонёры навели переправу. Нам предстояло переправиться на западный берег реки Сан. Это уже граница. Ждём очереди. На переправе скопление различных войск. К обеду нашей бригаде удалось переправиться на западный берег.

Движемся на север, в сторону Жешува. Шоссе загружено войсками. Танки идут стороной, поднимая густые клубы пыли. Улицы деревень украшены красно-белыми знамёнами. Население приветствует нас. Кричит: «Ура, Ура!». «Нех жие раджеска армия!» – кричит толпа.

Нашей 4-й танковой армии приказано переправиться через реку Висла и в полосе 5-й армии к утру 15 августа сосредоточиться на плацдарме в лесах, рядом с населённым пунктом Сташув. Прежде чем выполнить этот приказ, мы совершили четырёхсоткилометровый марш-бросок. На это ушло четыре ночи. Переправились и сосредоточились благополучно, вовремя.

Бригада заняла оборону западнее Сташува. Задача состояла в том, чтобы совместно с частями 5-й гв. и 13-й армиями удержать Сандомирский плацдарм.

Комбриг обошёл всех танкистов бригады и предупредил, чтобы быть внимательными, так как противник сосредоточил на нашем направлении большие силы и намерен перейти в наступление.

А ночью послал разведчиков во главе с командиром взвода разведки, старшиной Соколовым. Вскоре разведчики вернулись и привели пленного, который подтвердил.

На следующий день, утром, появились немецкие танки. На нашу оборону немцы обрушили шквал огня. На левом фланге, в районе роты Сидельникова, артиллеристы молодцы. Уничтожили 3 танка, и атака захлебнулась. К обеду на отдельных участках гитлеровцам удалось вклиниться в нашу оборону.

На нашем участке появился танк «тигр», остановился перед окопами мотострелков и постреливает из пулемёта.

Меня в то время уже посадили на танк, так как во время шквального огня командир взвода был ранен. Фамилии его я не помню. Он во время артиллерийского налёта оказался вне танка и получил осколочное ранение в ногу.

Поставлен был танк в огороде, да так, что в секторе нахождения «тигра» заслоняли деревянные постройки. Как только «тигр» вышел в зону видимости, я навёл пушку и выстрелил. Точно попал в борт, и немецкий танк загорелся. Через какие-то 5-7 минут появился комбриг Фомичёв, подбежал к танку и стучит по башне палкой. Я открыл люк, вижу – комбриг, но вылезать через командирский люк опасно, потому что становишься мишенью. Я закрыл свой люк и через люк механика-водителя вылез из танка. Фомичёв поздравил меня с успехом и пообещал наградить. Когда мы уже вышли на формирование на Сандомирском плацдарме, он сдержал своё слово. Я был награждён орденом «Отечественная война» 1-ой степени.

23 августа Указом президиума Верховного Совета СССР бригада за успешные боевые действия при освобождении города Львов награждена орденом Красного Знамени. А 25 августа орден Красного Знамени вручил командир корпуса генерал Белов. На нашем знамени появился первый боевой орден. Ровно через месяц был выстроен весь личный состав бригады. Приехал командир корпуса Е.Е. Белов, начальник политотдела корпуса гв. полковник И.Ф. Захаренко и начальник штаба П.Д. Белов.

Зачитал Указ президиума Верховного Совета СССР командир корпуса генерал-лейтенант Белов.

Звание Героя Советского Союза присваивалось гв. мл. лейтенанту Потапову Д.М., гв. старшине Суркову Ф.П., гв. полковнику Фомичёву М.Г. Это были первые герои Советского Союза в нашей бригаде.

20 ноября к добровольцам бригады приехали дорогие гости из Челябинска. Возглавлял делегацию В.С. Коржев – заместитель заведующего военным отделом обкома партии. В составе делегации приехали рабочие, колхозники, актёры. Они привезли подарки, письма.

Импровизированная сцена. Встреча была превосходная.

На этой импровизированной сцене пришлось выступить и мне.

Накануне этого вечера вызывает меня замполит 1-го танкового батальона, очень жаль, что забыл его фамилию. Он мне и говорит: «Понимаешь, у нас в батальоне, на мой взгляд, ты можешь выступить завтра перед делегацией». Я ему говорю: «Я ни одного стихотворения не помню». Он и говорит: «Вот тебе третий том Пушкина, выучишь, а завтра утром я тебя послушаю». Я взял у него том Пушкина и сказал: «Если выучу, то расскажу», – и ушёл к себе в землянку. Всю ночь учил. Выучил стихотворение «Гусар», а утром рассказал его замполиту. Он сказал мне, что хорошо. Вот видишь, оказывается, всё можно. Это стихотворение я и сейчас помню, только вот одно меня смущает. Почему его я помню до сих пор, а остальные забыл?

Проводили мы гостей, а вместе с ними уехали наши представители в Челябинск, чтобы отчитаться перед челябинцами о том, как мы бьём немцев и гоним их в Германию, чтобы там, в Берлине, поставить замечательную точку победы!

Между тем войска готовились к предстоящим боям.

Я, как и в предыдущее время, которое отводилось нам на отдых, получение материальной части, сколачивание взводов, рот, батальонов, отстрел упражнений, занятия по боевой и политической подготовке, занимался с командирами орудий, заряжающими по изучению уже новой пушки 85 мм.

В свободное от занятий время мы ходили в польскую деревню Зимна Вода, она находилась от нашего расположения около 700-800 метров. Мы уже познакомились с польскими девушками и ребятами. Однажды, это было 15-20 октября 1944 года, мы пришли с Филиппом Кудиновым. Это был командир 1-ой роты, а я был командиром 1-го танкового взвода. Мы очень с ним дружили. Итак, пришли к девушкам. Начались шутки, песни, разговоры. Вдруг входит цыганка и говорит, обращаясь к Филиппу: «Давайте я вам погадаю». Цыганка почему-то угадала, как его зовут. Угадала, сколько ему лет и даже откуда родом. Мы заинтересовались. Филипп согласился, чтобы она ему погадала. Она взяла у него левую руку и посмотрела на ладонь, а потом в глаза и говорит: «В первом же бою ты будешь убит». Филипп сразу же убрал руку и сказал: «Хватит, больше я ничего не хочу слушать».

Тогда цыганка обратилась ко мне: «Давайте я вам погадаю». Я согласился, и она начала мне гадать. Сказала: «Ваш отец посажен в тюрьму». Я ещё этого не знал, но мой отец действительно арестован и посажен в тюрьму. Она точно определила мой возраст, имя и многое другое. В конце она сказала: «Вы будете тяжело ранены, но останетесь жить». Я тоже больше не выдержал и прекратил гадание.

Настроение у всех испортилось, и мы пошли в батальон.

По пути он мне сказал: «Николай, а что если она сказала правду? Давай разойдемся, а то ведь мы служили вместе». Я ему сказал, что если он так хочет, то я напишу рапорт и переведусь в 3-й батальон. Там служит мой друг Иван Любимец, вот туда и уйду.

Я написал рапорт о переводе. Командир батальона, капитан Егоров Н.Н., стал возражать, тогда Филипп Кудинов рассказал гадание цыганки, комбат согласился и написал ходатайство комбригу.

К комбригу пошёл сразу же. Комбриг знал меня. Ведь я был у него командиром танка в Каменец-Подольскую операцию. Комбриг, позволив комбату 3-го танкового батальона капитану Акиншину, согласовал с ним этот вопрос и на следующий день я ушёл для дальнейшего прохождения службы в 3-й танковый батальон.

Иван Любивец был очень рад, что я прибыл служить в 3-й батальон.

11 января, вечером, в штабной землянке, комбриг собрал всех офицеров бригады и поставил задачу на наступление.

12 января 1945 года началась Висло-Одерская операция. В 6.15 наша артиллерия 240 стволов на 1 км фронта нанесла мощный удар по первой полосе обороны немецко-фашистских войск.

Тысячи снарядов полетели на головы гитлеровцев. Канонада продолжалась ровно час.

Как только огонь был перенесён на вторые позиции немцев, в воздух полетели красные ракеты. Волна команд «по машинам, по местам» облетела всех танкистов. Первые эшелоны машин двинулись за огненным валом.

Согласно боевому построению нашей бригады, вперёд устремляется 1-й батальон. Входит в прорыв, который имеет задачу овладеть деревней Малишувка, далее райцентр Хенуины.

Встретив сильное сопротивление, батальон остановился. Комбриг решил охватом с северо-востока ворваться в деревню Малишувку. А уже стемнело, он ставит задачу комбату капитану Акиншину с ходу атаковать деревню Малишувку и выбить немцев.

3-й танковый батальон развернулся и с красной ракетой двинулся в атаку. Пехота немцев из траншей ринулась наутёк в деревню, а там по огородам. Но дело в том, что в этой деревне были немецкие танки. Танки нашей роты уже в центре деревни. Я всё время был в танке с открытым люком, голова и плечи были снаружи. Впереди, метрах в 250-300 загорелся дом, и на фоне огня я увидел немецкий танк «тигр».

Я опустил вниз, сел на сидение командира орудия, припал к прицелу, навёл орудие и выстрелил. Снаряд точно попал в борт, так как я хорошо видел огненные брызги. Тигр загорелся. Я вскочил на своё командирское место. Смотрю, танк «тигр» действительно горит. И в это время, с расстояния примерно 60-70 метров выстрел, я, оглушённый немецким выстрелом, упал на боевую укладку. Снаряд пробил головную броню, оторвал голову водителю-механику, осколками брони убило командира орудия, заряжающему оторвало левую руку, а у меня болванка прошла между ног, задев обе ноги, но левую ногу вывернуло под углом 180°, т.е. пятка была впереди, конечно коленные связки были порваны. Я это всё увидел, потому что, упав на боевую укладку, оказался в огне внутри танка. Я решил из него выбраться. Благодаря сильным рукам (до войны я занимался тяжёлой атлетикой) я вылез в командирский люк. Я не мог согнуть ноги в коленях, чтобы выскочить из танка. А между тем огонь с рёвом вырывался через мой люк, в котором я горел. Я тогда, оставив ноги

в люке танка, по пояс наклонился через люк наружу танка, чтобы лицо и руки не горели.

Гляжу, кто-то бежит мимо танка. Это оказался капитан Любивец Иван Сергеевич со своим ординарцем. Я попросил их помочь мне вылезти из танка. Они подбежали ко мне, схватили за руки и сильным рывком выдернули из горящего танка. Я плюхнулся на снег, а так как я горел, выхватил свой уральский златоустовский чёрный нож и перерезал ремень. Сорвал пуговицы и скинул горящую шинель.

Но ватные брюки продолжали гореть. Я повалялся на снегу и этим сбил, затушил огонь. Итак, зима. Это была ночь 13 января 1945 г. Я оказался без военных сапог, с обнажённым торсом. А капитан Любивец И.С. с ординарцем схватили меня под руки и понесли к стогу сена, что в ложбине. Попутно нашли шинель, шапку, сапоги, но ведь их надо надеть, а надеть невозможно, так как левая нога вывернута под 180°, пятка впереди.

Тогда нашли фельдшера, старшего лейтенанта Старостина, который посмотрел и спросил, как это тебя угораздило? Я ответил, что болванка между ног прошла. Он мне говорит: «Потерпи немножко и отвернись». Схватил ногу, да как крутанул её. Я от боли потерял сознание. Привели меня в чувство, когда на мне были надеты валенные сапоги. Подошёл комбриг и спрашивает: «Кто это?». Ему отвечают, что лейтенант Железнов. «А что с тобой?» – обратился он ко мне. Конечно, узнать меня было трудно, так как кожа на лице местами вздулась, а кое-где пузыри порвались, и лоскуты кожи висели на лице. Я ответил комбригу: «Три танка моего взвода сгорели. Хорошо, что экипажи выскочили, не обгорели». Тогда комбриг приказал подогнать танк, посадить меня на трансмиссию и старшему лейтенанту медицинской службы Старостину сопроводить меня до медсанзвода.

В медсанзводе была младший лейтенант медсестра Аня, а вот фамилию забыл, не помню. Она спросила, как это всё произошло. Я ей рассказал, а тем временем она сделала мне два укола.

Я попросил у неё попить. Аня мне принесла две кружки. Одну подала и говорит: «Пей», а вторую оставила у себя в руках. Я стал пить, выпил почти половину кружки, как вдруг у меня зашипало губы, и тут я вдохнул воздух. Ведь в кружке был спирт, чистый винный спирт, ректификат. Я закашлялся, чуть не задохнулся. Она мне подала другую кружку, но теперь уже с водой. Я жадно выпил всё содержимое. А через час нас отправили в 1000-й фронтальной госпиталь.

Декабрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь *Леонов Сергей Сергеевич*, студент 3-го курса Московского авиационного института